

Семья Даржаа, как и все араты, живёт в юрте. Юрту ставят без топора. Была бы кошма, решётчатые стены, волосяные верёвки-перетяги — и жильё готово. Лёгкая юрта удобна для кочевника-пастуха. Особенно хорошо в ней летом — свежо, прохладно. Чувствуешь, что ты рядом с природой, на земле. Жена Севил шьёт одежду. Очаг в юрте горит весело, в чугунной чаше потрескивает жёлтое просо, становится коричневатым. Младший сын Калзан держит в руках деревянную мутовку и перемешивает кашу. Дым ест глаза, щёки пылают огнём, но Калзан терпит, перемешивает, вдыхает вкуснейший запах жареного зерна. Калзан любил помогать отцу с матерью. Они всегда хвалили его и просили сделать ещё что-нибудь.

Вдруг он почувствовал, что со дна раскалённого котла идёт дым. Неужели пережарил? Просяные зёрнышки начали лопаться от жара и вылетать из чаши. Мать первая учуяла дым, проворно вскочила:

— Ой, халак, ой, беда! А ну, дай мне скорей! — вырвала из рук сына мутовку, высыпала почерневшее зерно в деревянное корытце. — Да ну тебя! Не берись, если не умеешь. Лучше погляди за ягнятами и козлятами.

Калзан опрометью бросился из юрты. Увидел табун лошадей и среди них — своего коня-любимчика. Он хорошо запомнил ту счастливую весну,

когда на кылбык-празднике, трёхлетию, ему подарили жеребёнка. Мальчик рос крепким и сильным, был на голову выше сверстников. А вместе с ним рос и его жеребёнок Эмдик-Ой. Старший брат, Анчы, обучал младшего всему: как укротить скакуна или заставить его лечь, чтобы нагрузить мешками с мукой, как поймать хариуса или подбить на лету куропатку...

Потом Эмдик-Ой стал занимать призовые места на скачках. Как сына контры, шамана, Даржаа репрессировали, и коню Эмдик-Ой, прозванному тоже контрой, запретили участвовать в скачках.

Калзан всегда помнил слова отца:

— Конь, сынок, это половина мужчины. Даже если с голоду будешь умирать или замерзать в степи, конь тебя вывезет. Возьмёшь немного крови у него, дашь отдохнуть ему — и не пропадёте оба. Это самый близкий друг человека, учись ценить его. Недаром на нашем аратском гербе всходит солнце, и арат вместе с солнцем летит на коне.

Так оно и есть! Самое неприхотливое животное, которому и нужны всего-то чистая вода, пастбища да дружба человека. И эта дружба, скорее, больше нужна, конечно, человеку. Если кто пока не понял этого, жизнь заставит понять: настанет время, когда конь защитит своего друга и хозяина.

В 1941 году тувинский народ гнал скот, в холод, в дождь, в снег, чтобы накормить советских солдат на поле боя, одеть в тёплые носки, варежки, согреть их израненные души, дать им силу воли выиграть войну и вернуться героями в родные края. Сыновья Даржаа с самого начала войны просились на фронт. Старшему отказали, как внуку шамана — контры. Коня Эмдик-Ой-контру забрали на фронт ещё в начале войны. А младший, Калзан, ушёл добровольцем в 1943 году, когда отца оправдали.

29 января 1944 года на подступах к украинскому селу Деражно тувинский гвардейский полк получил приказ взять населённый пункт. 31 января в четыре часа утра они ворвались в Деражно на своих тувинских лошадях. Среди них и Калзан. В схватке с врагом погибли двое — Тюлюш Сенгин и Монгуш Сат. Их здесь и похоронили.

Калзан с земляками между боями, в первую очередь, ухаживал за лошадьми. Ему всё снился любимый конь Эмдик-Ой. Калзан так и говорил: “Пока не накормишь лошадь, самому кусок в горло не лезет. Мне кажется, мой конь Эмдик-Ой где-то рядом”.

Как-то ночью разведчики Алдын и Седен приволокли “языка” — немецкого офицера. После допроса переводчик сказал тувинцам:

— А знаете, как вас, тувинцев, немцы называют? Шварце тод.

— Что это значит? — спросил Калзан.

— “Чёрная смерть”. “Язык” говорит, что немцы очень боятся солдат из “дикой дивизии”, которая прибыла из Сибири и состоит из свирепых азиатов.

Калзан с улыбкой вспоминал, как в тувинский эскадрон были зачислены десять девушек-добровольцев. По прибытии 8 декабря 1943 года на учебный пункт в деревню Снегирёвку Смоленской области командир подразделения капитан Кечил-оол доложил командиру 31-го гвардейского кавалерийского полка, что все девушки обучены стрельбе и джигитовке.

Ефим Абрамович Попов прошёл перед строем, внимательно всматриваясь в скуластые лица. Удивленно хмыкнув, остановился перед хрупким подростком.

— Как тебя зовут? Сколько тебе лет?

Юная тувинка подтянулась, но смущённо молчала.

— Она плохо знает русский, — объяснил Кечил-оол.

— Ну и ну! — Попов глянул на заместителя. — И её, и всех остальных... барышень — на кухню. У меня кавалерийский полк.

Кечил-оол перевёл слова командира. Тувинка птицей взлетела на коня и пустила его с места в галоп. Перемахнула придорожную канаву, выхватила клинок, взмахнула несколько раз. Срубленные с кустов ветки уткнулись в снег. Бросив поводья, сорвала с плеча карабин, звонко прокричала по-тувински...

— Видите шишку на вершине сосны? — перевёл Кечил-оол.

Прогремел выстрел. Шишка разлетелась на мелкие щепки. Тувинка Ооржак Байлак повернула коня, вернулась в строй.

— Все у вас такие, капитан? — командир полка не скрывал восхищения.

— Все, товарищ гвардии полковник. Дети гор и степей, с детства в седле...

— Приказ отменяю! Эскадрон тувинских добровольцев в полном составе зачислить в полк.

Бой на улицах Ровно. Жарко было, ой, как сопротивлялись немцы! Напролом шли. Без передышки. Хладнокровно. Многие земляки Калзана положили здесь головы. Везде стреляют, но надо идти только вперёд. И страшно, и сложно. Но всё зависит от самого бойца, от его подготовки и сметливости. Если ты слабый, то пропал. А если, как птичка, бодрый, то всё тебе нипочём. Один только раз Калзана ранили. Падая с лошади, закричал по-тувински: “Эмдик-Оюм, кайда сен? Мени камгалап кор! — Где ты, мой Эмдик-Ой? Спаси меня!” И вдруг услышал знакомое ржание своего коня. Жаркое дыхание, знакомое с детства, такое родное... Пришёл в себя, а рядом — Эмдик-Ой. Обнял его, заплакал от радости. И шапка, и тулуп продырявлены, со лба течёт кровь, но жив, жив!